Зюзин А. В.

ДИАЛОГИЧЕСКИЙ ЭЛЕМЕНТ ПУБЛИЦИСТИКИ Н. М. КАРАМЗИНА

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2007/3-2/30.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2007. № 3 (3): в 3-х ч. Ч. II. С. 85-87. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2007/3-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

бы (В. Шукшин); *Мне бы вот такой маленький трактор, маленький комбайник и десять гектаров земли* (В. Шукшин); *А вот ты взял бы да и принес нам сахарных пряников* (А. Толстой) – в данных высказываниях говорящий в своем желании особо выделяет, обращает внимание на некую мысль, заслуживающую внимание. Усиливается указание либо на потенциального исполнителя, либо на желаемый объект, либо его характеристику, что обеспечивает осложнение семантики высказывания оттенком ограничительного выделения.

Ограничительное значение проявляется и в семантике контаминаций, функционирующих в ОП. Только в этом случае оно дополняет разнообразные интерпретации базового значения желательности: *У меня созревает мысль О российском перевороте, Лишь бы только мы крепко сошлись, Как до этого в нашей работе* (С. Есенин) – значение интенсивного желания; - *Какой уж у нас ум, Виталий Кузьмич! Так, бродим в потемках – вот и весь наш ум. Если бы вот высшее образование, тогда другое дело…*(Д. Мамин-Сибиряк) – желание-условие; *Все благополучно, Осип Иванович… Только вот кабы дождичек не подгадил дела* (Д. Мамин-Сибиряк) – желание-условие.

Таким образом, частицами *только, лишь, вот, хоть,* функционирующими в ОП, осуществляется представление ситуации желательности в плане ограничительности, причем данное значение может корректироваться в зависимости от коммуникативно-прагматической установки говорящего при помощи частиц, привносящих свой собственный оттенок.

Список использованной литературы

1. **Алтабаева Е.В.** Категория оптативности в современном русском языке. Монография. М.: Изд-во МГОУ, 2002. – 230 с.
2. **Болдырев Н.Н.** Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2001.
3. **Ефремова Т.Ф.** Толковый словарь служебных частей речи русского языка. М.: Русский язык, 2001. – 863 с.
4. **Шведова Н.Ю.** Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М.: Азбуковник, 2003. – 378 с.

ДИАЛОГИЧЕСКИЙ ЭЛЕМЕНТ ПУБЛИЦИСТИКИ Н. М. КАРАМЗИНА

Зюзин А. В.

Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского

Творческое наследие Н. М. Карамзина обширно и многообразно. Однако публицистика исследована в меньшей степени. Главная функция публицистики заключается в формировании и влиянии на общественное мнение в условиях конкретных исторических событий, то есть диалог (непосредственный или опосредованный). Публицистика Карамзина не исключение. Первое осмысление этой части творчества приходится на 100-летний юбилей писателя: «Он [Карамзин] был первым русским публицистом… Карамзин первый начал внимательно следить за ходом иностранной политики, и притом в применении к России, и результаты своего чтения и размышлений сообщал читателям в небольших связных и общедоступных рассказах. В этих рассказах он обыкновенно старался осмыслить частные явления в тогдашнем обще-европейском движении, следовавшем за французской революцией, и уловить с своей точки зрения общий смысл и общее направление этих частных явлений» [Лавровский 1866: 44-45]. В этом суждении как и во многих других, прежде всего обращается внимание на политическую публицистику, которая в творчестве Карамзина в большей степени представлена на страницах издаваемого им «Вестника Европы» (1802—1803 гг.). Мы же считаем, что нельзя недооценивать и другие публицистические работы Карамзина, особенно до «Вестника Европы». Именно это поможет раскрыть специфику становления публицистических жанров в творческом наследии писателя.

В свете нашей темы наиболее интересны эпистолярий и диалог. Эпистолярный жанр и жанр диалога известны с античных времен, в публицистике становится популярными с XVIII века. В «век романа» эпистолярный жанр становится главным, так как большую часть художественной продукции того времени составляли романы в письмах романтического и сентиментального толка. Поэтому и в публицистике этот жанр занимал доминирующее положение (См. корреспонденцию журналов Аддисона и Стиля, «Персидские письма» Монтескье, «Письма из Франции» Фонвизина, письма в русских журналах того времени). «Письмо» в публицистике и составе романа ориентировано своими качествами на частное письмо, приоткрывающее потаенные стороны человеческой души, раскрывающее индивидуальность и неповторимость человека.

При помощи циклов и отдельных писем автор мог непосредственно общаться с читателем, открыто выражая свое мнение по отношению к тому или иному событию, советуя читателю, убеждая его и при этом не соблюдая строгого закона единства стиля. Следует отметить, что фигура корреспондента этих писем абсолютно условна. Настоящие авторы скрывались под псевдонимами. Иногда это имена героев античности, а иногда просто имя нарицательное. Автору было важно, чтобы читатель поверил в то, что это частная переписка, так как люди в ней высказываются более откровенно и обсуждают порой запрещенные вопросы.

В публицистике Карамзина есть как оригинальные, так и переводные публицистические работы, использующие этот прием. Прежде всего, следует отметить переписку «Мелодор к Филалету» и «Филалет к Мелодору», опубликованную на страницах второй книги альманаха «Аглая» (1795 г., второе издание 1796 г.). Как замечает Ю. М. Лотман, «Карамзин, <…> чтобы выразить чувства и мысли, должен был прибегнуть к форме

диалога. Мысль ищущая монологически не выражалась» [Лотман 1987: 240]. Материал переписки отражает противоречия Карамзина в кризисный для него период. Выражает сердечную и душевную тревогу за судьбу человечества, века Просвещения. Таким образом, в переписке создаются два образа, высказываются две точки зрения — спор автора с самим собой. Диалог (опосредованный диалог — переписка), звучащий в душе писателя, как отклик на происходящее в мире, становится диалогом с читателем (ему самостоятельно необходимо выбрать точку зрения и позицию на происходящее), который приближается к монологу, ибо является голосом одного автора [Зюзин 1994: 34-36].

Оригинальной работе Карамзина предшествовал перевод писем Бейля и Шафтсбури из сборника «Светский философ» Энгеля, опубликованный в «Московском журнале» (3 часть книги 2 (август) 1791 г.). Именно перевод явился на наш взгляд, опытом освоения Карамзиным эпистолярно-публицистической формы и схемой для оригинального произведения (переписки) [Зюзин 1996: 150-154].

Другой жанр, популярный в публицистической литературе, это жанр диалога (разговора, рассуждения). Можно выделить как бы три разновидности этого жанра. Первая — это диалог вымышленных персонажей на ту или иную злободневную тему. Вторая — это диалог реально существующих героев древности, выдающихся мыслителей, государственных деятелей о происходящих событиях, но уже после смерти [Стенник 1990: 240-244]. Поэтому эта разновидность жанра диалога в публицистике называется диалог или разговор в царстве мертвых. И, наконец, третья — это рассуждение (размышления) — это скрытый диалог автора с читателем. Все разновидности диалога позволяли автору высказывать его собственное понимание событий и тем самым воздействовать на общественное мнение без оглядки на официальные установки и запреты.

В публицистике Карамзина примером диалога (первая разновидность) может служить «Разговор о счастии» (1797) [Зюзин 1998: 33-43], своеобразно продолжающий суждения Карамзина, высказанные в переписке Мелодора и Филалета, а так же в собственно Карамзинской переписке с Лафатером. В «Разговоре» читатель присутствует при беседе двух друзей Филалета и Мелодора, уже известных ему. Однако предмет диалога усложняется — это вопросы существования добра и зла, телесного и духовного, счастья и его обретения «в этом хаосе заблуждений, обманов и бесчисленных зол всякого рода» в настоящем времени. Если в переписке Мелодора и Филалета пессиместические и оптимистические настроения находились в равном положении и выбор оставался за читателем, то в диалоге (по мере развертывания «разговора» возражения пессимиста сокращаются до коротких реплик) силы оптимизма и пессимизма неравны. Постепенно диалог (разговор) становится более близок к монологу, где тон задает рационалистическая дидактика, которая вообще присуща жанру «рассуждения» (диалогу-рассуждению) [Гурвич И. 1980: 119-120]. Таким образом, читателю дается четкий ответ на спектр рассматриваемых вопросов и главный из них: «Быть счастливым, есть быть верным исполнителем естественных мудрых законов; а как они основаны на общем добре и противны злу, то быть счастливым есть … быть добрым». Счастье человечества возможно, или зависит от счастья каждого человека. Как и в первом случае, оригинальному произведению Карамзина предшествует переводное, сходное по тематике и структурной организации — диалог «Гилас и Филоноус», опубликованный в 7 части книги 3 (сентябрь) «Московского журнала» за 1792 год.

Продолжением раскрытия диалогического элемента в публицистических произведениях Карамзина можно рассматривать на примерах: «Рассуждение Философа, Историка и гражданина» (1795), «О счастливейшем времени жизни» (1803) — диалог рассуждение/размышление.

Кроме того, как и в других (не публицистических) произведениях, Н. М. Карамзин использует выделение в тексте слов, на которые прежде всего читатель должен обратить внимание. Как правило, это новые для читателя слова или специальные текстовые акценты для концентрации внимания на основных положениях произведения. Еще Карамзин использует другой прием выделения — отступ текста или в тексте. Все эти приемы не что иное, как осуществляемый негласный диалог читателя и автора.

Диалогический элемент (эпистолярий (переписка) и диалог (все разновидности)) чаще всего использовался публицистами при освещении политических преобразований (революции), жизни политических деятелей и проблем войны и мира. В публицистике Карамзина кроме означенной политической темы рассматривается и философская тематика, то есть можно говорить о диалогическом элементе в оригинальных и переводных философско-публицистических работах Н. М. Карамзина. Именно это раскрывает такое специфическое разнообразие (эссе, очерк, обозрение, эпистолярий, диалог, философская статья, памфлет) публицистических жанров в творческом наследии писателя.

Список использованной литературы

1. **Гурвич И.** Диалогический элемент в творческом мышлении Карамзина / И. Гурвич // Художественный мир писателя и литературный процесс: [сб. ст.]. Ташкент, 1980. С. 111-122.
2. **Зюзин А. В.** Две заметки о текстах Н. М. Карамзина / А. В. Зюзин // Филология: межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 1998. Вып. 2. С. 33-43.
3. **Зюзин А. В.** Перевод Карамзина из Эберхарда: Опыт освоения эпистолярно-публицистической формы / А. В. Зюзин // Филология: межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 1996. [Вып. 1]. С. 150-154.
4. **Зюзин А. В.** Черты эпистолярного стиля в публицистике Н. М. Карамзина («Переписка» Мелодора и Филалета) / А. В. Зюзин // Исследования по худож. тексту. Саратов, 1994. Ч. 2: (Материалы 3-х Сарат. чтений по худож. тексту, июнь 1994 г.) / под ред.: Б. Л. Борухова, К. Ф. Седова. С. 34-36.

5. **Лавровский Н.** Карамзин и его литературная деятельность: речь, произнесенная в Императорском Харьковском университете, 1-го декабря 1866 года / Н. Лавровский. Харьков, 1866. 52 с.
6. **Лотман Ю. М.** Сотворение Карамзина / Ю. М. Лотман; предисл. Б. Ф. Егорова. М., 1987. 336 с. (Писатели о писателях).
7. **Стенник Ю. В.** Жанр «диалога в царстве мертвых» в русской литературе XVIII века / Ю. В. Стенник, Л. И. Николаев // Рус. лит. 1990. № 2 С. 240-244.

СЕМАНТИКА АДЪЕКТИВИРОВАННЫХ ПРИЧАСТИЙ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Ибляминова М. Р., Тулепбергенова Д. Ю.
Астраханский государственный технический университет

Адъективированные причастия немецкого языка являются одной из подгрупп полифункционального класса слов, занимающих промежуточное место относительно глагола и прилагательного. Следует сказать, что процесс адъективации является семантическим, то есть процесс, при котором глагольная сема претерпевает изменение и у слова изменяется и лексическая, и грамматическая семантика.

Для описания семантики адъективированных причастий были использованы произведения художественной литературы объёмом 3129 страниц, а также толковые словари немецких и отечественных авторов.

Е.И. Шендельс выделяет следующие степени изменения значений:

- полный семантический отрыв (spannend, reizend, gewandt, geschickt и.т.д.);
- частичные изменения значений, которые сохраняют семантическое сходство с прилагательными (der geschulte Arbeiter, der gediente Soldat, der erfahrene Soldat);
- едва заметные сдвиги значений (ein zurückhaltender Mensch).

Ряд лингвистов говорят о «семантических полях», о лексико-семантических группах, тематических группах, синонимичных рядах, чтобы определить классификацию группы слов. Для описания различных групп слов Л. Вейсгербер предлагает использовать понятие семантического блока, на которое мы будем опираться при описании семантики адъективированных причастий.

С точки зрения Л. Вейсгербера понятие «блока» соответствует в теории словообразования понятию семантического поля в учении о слове. В основе «словарных блоков» положены три момента:

1. «Словообразовательные типы» сами по себе не представляют семантических единств;
2. Внутри отдельных типов могут быть выделены смысловые разряды «словарные ниши», характеризуемые общими смысловыми признаками;
3. Отдельные ниши могут сближаться с семантически родственными нишами других словообразовательных типов, образуя взаимосвязанные варианты общего смысла, который находит выражение в разных структурах; «словарный блок» объединяет формы реализации такого общего смысла.

Главный итог рассмотрения «словарных блоков» заключается в том, что фактический состав словообразовательных типов указывает на возможность членения значений в языке.

Эти значения адъективированных причастий-I можно представить в виде следующих семантических блоков:

1. блок обозначения признаков лица, включающий следующие варианты:
- положительные характеристики поведения человека (das war ein reizendes Mädchen);
- отрицательные черты характера поведения человека (eine ausfallende Bemerkung);
- характеристика эмоций, чувств человека (seine reizende Begeisterung);
- характеристика внешнего вида и внутреннего состояния человека (sie war so auffallend);
2. Блок оценочной характеристики деятельности (ein hervorragender Rechtsanwalt);
3. блок значений характеристики общения, взаимодействия людей (die führende Personlichkeit des politischen Lebens);
4. блок оценочной характеристики предметов, абстрактных имен (hochfliegende Flammensaule);
5. блок значений выполнения действия в полном объеме (ein umfassendes Gestandnis ablegen);
6. блок значений, выражающих пространственные связи между предметами (umstehende Jungen);
7. блок обозначений обладания чем-либо (sie war eine vermögende Frau);
8. блок значений разрушения (das Zerstörende Gebäude).

Следует обратить внимание на то, что некоторые адъективированные причастия-I могут иметь несколько значений. Они зависят от существительного, к которому они относятся или от контекста или смысла предложении, поэтому они могут переходить из одного семантического блока в другой.

Семантические изменения в адъективированных причастиях-I бывают различной степени:

- полный семантический отрыв, например, адъективированное причастие «ausnehmend» образовано от глагола «ausnehmen» обозначает «отличный, исключительный», даже образует степени сравнения.
- частичное изменение значений (метафорический перенос).

Адъективированное причастие «brennend», образованное от глагола «brennen», четко показывает, какими новыми, по сравнению с глагольными значениями оно обладает:

brennen – гореть

Sie wünschte sich brennend ein Osterkind. – Она страстно (пылко) желала ребенка на Пасху.